

Н. Н. МАКАРОВА

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ЭПОХИ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (по материалам Магнитогорска)

В статье рассматривается эмоциональный режим, сформировавшийся в новом индустриальном центре в период форсированной индустриализации. История эмоций стала популярным направлением в мировой исторической науке, однако исследования в «эмоциональном ключе» преимущественно выстраиваются в широких хронологических и территориальных рамках. Автор предлагает конкретный пример изучения эмоционального сообщества на локальном материале и показывает, что мысли и чувства горожан стремились унифицировать в рамках концепции формирования «нового города», навязывая магнитогорцам определенный набор нормативных эмоций и официальных практик, а также выражающих их эмоций, которые выступали опорой для существующего политического режима.

Ключевые слова: история эмоций, эмоциональный режим, новый город, индустриализация, Урал, Магнитогорск

Долгое время «в исторической науке наблюдалась парадоксальная ситуация: эмоции и чувства, имевшие на протяжении веков заметное место в культурной истории, сами оставались без истории»¹. Впервые проблему изучения эмоций поставил Л. Февр². С тех пор история эмоций на Западе прошла в своем развитии период универсализма (1940–1980), социального конструктивизма (1980–1995) и их синтеза). В 2000-е гг. история эмоций переживает «бум»³. Внимание российских историков было обращено к истории эмоций относительно недавно, в результате антропологического поворота, развитию интереса к внутреннему миру людей, многообразию форм повседневной жизни. Важным этапом в этом направлении стала Международная научная конференция «Эмоции в российской истории и культуре» (2010) и издание сборника материалов «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций»⁴.

История эмоций выступает как сфера, позволяющая расширить горизонты исторического видения. В 1985 г. американские историки П. Стернс и К. Стернс в статье, посвященной перспективам исследования «эмоциональных стандартов» прошлого, отметили: «Мы можем использовать историю эмоций для того, чтобы лучше понять собственное коллективное прошлое, – завораживающая перспектива для обще-

¹ Рожков 2014. С. 101.

² Февр 1991.

³ Reddy 1997; 2000; 2001; Plamper 2010.

⁴ Российская империя чувств... 2010.

ства, поглощенного ежедневным измерением своей эмоциональной температуры»⁵. В этом ключе серию интересных научных работ создала Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.В. Тажидинова⁶, которым удалось проанализировать широкий спектр проблем, затрагивающих эмоциональную сторону жизни населения Советского Союза в годы войны: практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха и досуга советских граждан, восприятия ими времени и пространства, основные стратегии выживания, семейные отношения, любовь и дружба, жилищный и религиозный вопросы в жизни советского человека, а также практики использования свободного времени в 1941–1945 гг. В целом, в рамках военно-исторической антропологии достаточно интенсивно изучается эмоциональная составляющая. В то же время период 1920–1930-х гг. в контексте истории эмоций стал объектом внимания историков сравнительно недавно⁷, в т.ч. в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций»⁸.

Я. Плампер обозначал несколько перспективных направлений изучения истории эмоций: история понятий (*Begriffsgeshichte*), которые обозначают эмоции; дискурсивный анализ эмоций; изучение норм эмоционального выражения и отклонения от них; вплетенность эмоционального фактора в причинность исторических событий⁹.

Все изложенное дает понять, что история эмоций крайне емкое и сложное направление исследований. Изучение эмоционального режима эпохи формирования сталинского авторитаризма выступает еще более сложной задачей. Анализ эмоционального режима периода 1920–1930-х гг. требует работы не одного десятка историков, а также привлечения широчайшего пласта исторических источников из центральных, региональных и местных архивов, собранных в результате интервью и др. Целью данной статьи является анализ эмоционального режима, сформированного в новом индустриальном центре: набора нормативных эмоций и официальных практик, а также выражающих их эмотивов, выступающих опорой для существующего политического режима.

В основу статьи были положены разнообразные исторические источники: материалы делопроизводственной документации, источники личного происхождения, почерпнутые в архивах, в частных коллекциях магнитогорцев, а также собранные в течение 2008–2015 гг. интервью.

⁵ Stearns 1985.

⁶ Кринко 2010; Тажидинова 2010; Кринко, Хлынина, Тажидинова 2011; Хлынина 2013; Кринко, Тажидинова, Хлынина 2013.

⁷ Макарова 2014.

⁸ Иванцов 2014; Микуленок 2014; Рожков 2014; Тажидинова 2016; Перов 2016.

⁹ Плампер 2010. С. 33–35.

Материалы периодической печати (в ежедневной газете «Магнитогорский рабочий» и городских многотиражках) выступают примером официального дискурса, преподносимого в качестве нормы повседневной жизни города и его обитателей. Воспоминания играют особую роль в конструировании поля истории повседневности, однако важно учитывать контекст их написания и опубликования. Так, воспоминания о Магнитогорске представлены в данной статье как неопубликованными материалами из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованными мемуарами. Кроме того, в письмах, исходящих от людей разных социальных и профессиональных групп, ярко отражен спектр чувств и переживаний «маленького человека».

Магнитогорск в указанное время представлял собой город-сад, построенный на пустом месте. Советская пропаганда тиражировала по всему СССР и даже за его пределами образ успешно развивающегося города, в котором господствуют исключительно светлые эмоции. Если в средствах массовой информации сообщалось нечто негативное, то в контексте активной и неутомимой борьбы магнитогорцев со «злом». В 1930-е гг. Магнитогорск представлял собой мегаплощадку по проведению социалистического эксперимента в социокультурной сфере. Какие же инструменты и насколько успешно были использованы в 1930-е гг. для поддержания «эмоционального режима»? Кроме того, в статье речь пойдет о тех эмоциях, которые фиксировались в текстах, не предназначенных для публичного прочтения. Эти свидетельства позволяют судить о степени прочности эмоционального режима, а также о влиянии СМИ и иных способах пропаганды среди населения города.

Дифференцированное выражение эмоций связано с культурой. Ценности и эмоции образуют своего рода заколдованный круг, в котором наблюдается непрерывное их воздействие друг на друга. После 1917 г. «новый человек» вместе со своими чувствами и психикой выдвинулся в центр культурной рефлексии¹⁰. Г. Алексопулос отметил, что идеальный советский гражданин должен воплощать идеальные эмоции¹¹. Учебная литература, брошюры различной направленности, листовки, плакаты, газеты и т.д. дают возможность обозначить круг идеальных эмоций, которые должен испытывать советский человек. Среди них – патриотизм, уважение, гордость, счастье, радость, любовь по отношению к своей Родине, партии, городу, трудовому коллективу, а также непримиримость и даже гнев к врагам внешним и внутренним.

В разных контекстах одна и та же эмоция оценивалась по-разному. Традиционно среди социально-одобряемых эмоций в советском дискурсе были любознательность, послушание, уважение, сдержанность, любовь, дружба, гнев, энтузиазм, патриотизм, страх. Однако не-

¹⁰ Шахадат 2010. С. 38.

¹¹ Alexopoulos 2006.

которые эмоции в данном перечне в определенной ситуации могли оказаться среди социально-маркируемых, к ним можно отнести гнев, страх, любознательность. Любознательность в положительном ключе была присуща детям, которые стремились к новым знаниям. Взрослому человеку любознательность была не к лицу. С другой стороны, праведный гнев мог проявить взрослый авторитетный человек, но не ребенок. Страх не выполнить обещание или проиграть соцсоревнование социально одобрялся, а страх за безопасность или здоровье конкретного человека оценивался как малозначимая эмоция в условиях строительства светлого будущего. Напротив, в Магнитогорске пропагандировалось бесстрашие в труде. В воспоминаниях неоднократно упоминаются случаи, когда в погоне за результатами труда, рабочие нарушали все нормы и правила техники безопасности: «Восемь часов кряду работал, и стрела не упала. Говорят, риск – благородное дело. Ради того, чтобы провести ремонт и спасти стрелу, думаю стоило рисковать»¹².

Эмоции играли важную роль в жизни города и страны. За настроениями следили, сводки о них регулярно направляли в центр, что дает возможность говорить о периоде 1930-х годов как «эпохе настроений». Это было время восторженных ожиданий, осознания новых возможностей и одновременной утраты прежних перспектив. Магнитогорск стал поистине воплощением указанной «триады». Ожидания и надежды, возлагавшиеся на крупнейший индустриальный центр, как властями, так и рядовыми строителями светлого будущего, были амбициозными. И если официальные власти с помощью директивных методов – плановой экономики, экономических и внеэкономических мер принуждения – все-таки получили максимально возможный эффект, сформировали миф о Магнитке, который коренится в умах многих россиян по сей день, то о рядовых магнитогорцах этого сказать нельзя. Разочарование реальностью Магнитостроя наступало мгновенно после прибытия на железнодорожный вокзал, а потом продолжало усиливаться.

Пропагандисты и вербовщики, агитируя ехать на всесоюзную стройку, обещали будущим строителям огромный завод и благоустроенный город, жилье, работу по специальности, усиленное снабжение, вербовали массы пролетариев и крестьян на Магнитострой. В условиях латентного голода и общей социальной неустроенности эти обещания были заманчивыми: «Товарищи сказали ему, что Магнитогорск – громадный город... – Где же город, – спросил он, вступив на магнитогорскую почву. Он думал увидеть ряды улиц и площадей, сады и набережные и где-то посреди них – цеха завода. Над ним посмеялись и объяснили, что город, а также и завод только закладываются»¹³. Один из участников строительства в рамках проекта «История фабрик и заво-

¹² Комзин 1973. С. 24.

¹³ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 342. Л. 11.

дов» вспоминал: «Что потянуло меня сюда? Безусловно, к этому времени с питанием в Керчи было скверно, кроме рыбных костей ничего не давали в столовой... А Ширстов писал, что здесь все дешево, очень хорошо обстоит с питанием, мясо дешевое...»¹⁴. Были среди рабочих и те, кто не рвался на ударную стройку первой пятилетки, но в рамках оргнаборов все же оказался в городе: «Ехал сюда с небольшой охотой, в Мариуполе жил я неплохо... даже не представлял себе такой жути, какую встретил тут»¹⁵. Самым первым и запоминающимся впечатлением от увиденного «города» была степь: «Приехал я в июне месяце, площадь была совершенно голая: стояло несколько бараков и рубленых домов...»¹⁶. Многие участники строительства верили обещаниям и мечтали о работе в Магнитогорске. Так, работник нарпита Сусанин «о Магнитогорске мечтал еще в деревне – поселке Спасском, где только старики говорили о Магнитной горе». Но город встретил мечтателя Сусанина неприветливо: «С первых же дней в Магнитогорске мы остались жить и работать в степи... По квалификации нашей работы не нашлось... жили в палатках. Начали свою работу с субботника, так как нам не было работы, а если и была, то не хватало камня и кирпича»¹⁷. Подобная ситуация была не исключением, а скорее правилом. Прибывавших в город рабочих не было возможности ни трудоустроить по специальности, ни накормить, ни поселить (порой даже в барак). Все это приводило к высокой текучести кадров. Не найдя здесь своего места, разочаровавшись в обещаниях, многие уезжали обратно домой.

В одной из сводок о настроениях на Магнитострое сообщалось: «Скверные жилищные условия и плохо поставленное общественное питание, не могут не отразиться на настроениях рабочих, тем более что значительная часть их состоит из выходцев из деревни...»¹⁸. Действительно, население города представляло собой крайне пеструю социальную массу. Среди строителей Магнитогорска были заключенные, спецпереселенцы, представители разных социальных групп и национальностей. Пестрый этнический состав магнитогорцев сохранился на протяжении всего периода существования города. Основы национального состава были заложены именно в начале 1930-х гг. По данным А. Зверева, в 1930 г. в Магнитогорске проживали русские (83,7%), украинцы (6,8%), татары (2,7%), белорусы (1,57%), башкиры (1,37%), киргизы (1,1%), нагайбаки (0,5%), мордва и прочие национальности (0,5%)¹⁹. К 1 июня 1932 г. численность русского населения

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 8.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 159.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 172 / 1. Л. 6.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 172 / 1. Л. 4.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 13

¹⁹ Зверев 1931. С. 70.

возросла и составила 91,7%²⁰. Пестрый национальный состав наложил отпечаток на повседневные практики горожан.

Половозрастной состав населения характеризовался преобладанием молодежи. Инженер М. Шировер, проработавший на Магнитострое около полутора лет, писал в американском журнале в июле 1932 г.: «В сущности, Магнитогорск создан советской молодежью. 60% рабочих этого строительства моложе 24 лет...»²¹. А. Зверев, ссылаясь на материалы переписи населения Магнитогорска, отметил, что из общего числа рабочих молодежь в возрасте от 17 до 24 лет составляла 51,2%²². Кроме того, среди магнитогорцев было много людей в возрасте от 24 до 33 лет. Меньшую часть составляли зрелые и пожилые люди. В 1930 г. из деревень и городов к рабочим стали приезжать жены и дети, в результате чего контингент несовершеннолетних в городе увеличивался с каждым годом. Преобладание в городе рабочих на протяжении рассматриваемого периода было вполне закономерным явлением. Но большинство этих пролетариев совсем недавно относились к категории крестьян. Потомственных рабочих в Магнитогорске было немного. Большинство жителей деревень ехали на Магнитострой в надежде найти лучшие условия жизни. Среди заключенных и спецпереселенцев также доминировали недавние выходцы из деревни.

Все это влияло на «эмоциональный режим» в городе. Стремление к дисциплине и унификации поведения горожан, навязывание сменного рабочего графика, отказа от привычных религиозных норм и выстраивание новой системы светских ценностей, выдвигаемые официальными структурами, шли в разрез с устремлениями населения в сторону эмоциональной свободы. Большие массы населения, собранные на территории города со всех уголков Советского Союза, без четко сформированных социальных и эмоциональных ориентиров плохо поддавались «коллективизации эмоций». В статье Ш. Фицпатрик о счастье и тоске в довоенном СССР озвучена интересная связь между личной бедой и тоской и общественным счастьем. Способом ухода от личного горя было обращение к счастью эпохи, в которой, как известно, «жить стало лучше, жить стало веселее»²³. Категория «счастье», наиболее часто трактуемая как особое состояние человека, которое соответствует его внутренним установкам о полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения, в период формирования авторитаризма была одной из центральных в мире эмотивов. Действительно «личное счастье» пытались подменить «счастьем общественным», «внеиндивидуальным». Так, магнитогорец А. Сулимов писал о том, что

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 7.

²¹ На линии огня... 1975. С. 29.

²² Зверев 1931. С. 70.

²³ Плампер 2010. С. 29.

на его долю «выпала счастливая судьба. Вместе с замечательными товарищами, новаторами производства... мы оборудовали специальный тракторный плуг для рыхления грунта...»²⁴. Газеты сообщали о счастливом советском детстве, о счастье трудовой деятельности и т.п., а письма счастливых матерей²⁵ превратились буквально в особый жанр. Однако в источниках, которые не предназначались к опубликованию, счастье по-прежнему оставалось тихим, семейным, личным. Так, в своих рассуждениях о счастье В.Ф. Берсенева делает вывод, что счастье – это отсутствие несчастья. Для того чтобы быть счастливыми семье Краузе-Берсенева не требовалось ничего сверхъестественного: здоровые дети, прогулка за городом, успешно сданные экзамены и проч.

Смысл эмоции эпохи сталинизма «энтузиазм», по мнению М. Рольфа и А. фон Климо, состоял в достижении конкретной цели²⁶. В целом данный период можно назвать эпохой энтузиазма, а население Магнитогорска очень часто в эти годы именовали «батальоном энтузиастов»²⁷. Энтузиазм, судя по официальному дискурсу, сопровождал магнитогорцев постоянно: в труде и отдыхе, дома и на субботах, в учебе и в соцсоревнованиях и т.д. Власти взяли на вооружение данную положительно окрашенную эмоцию, которая являет собой состояние воодушевления и стремление к совершению активных действий.

Эмотив «гордость» стоял на службе официальной пропаганды. В газетах 1930-х гг. и воспоминаниях магнитогорцев, опубликованных в советский период, «гордость» использовалась часто, причем в мемуарах 1970 – начала 1980-х гг. гордости по-прежнему отводили достойное место среди эмотивов: «...магнитогорцы, участники и очевидцы всего того, что здесь свершилось за невероятно короткий срок, показывают свой город с гордостью...»²⁸. В советской трактовке гордость – это положительно окрашенная эмоция, отражающая позитивную самооценку, наличие самоуважения, чувства собственного достоинства, собственной ценности. Именно поэтому «гордость» в периодической печати ассоциировалась преимущественно с реальными делами: ремонт барака, участие в субботнике, перевыполнение плана, наведение чистоты в столовой. Эти «малые дела» являлись поводом для гордости в масштабах всего Советского Союза, так как на конкретных примерах шел процесс воспитания и формирования должного поведения и даже необходимых эмоций среди населения. Поэтому статья «Хорошая столовая – гордость комсомола»²⁹ на страницах местной газеты звучала как эмо-

²⁴ На линии огня... 1975. С. 54.

²⁵ Например, письмо, в «Магнитогорском рабочем» от 3 февраля 1937 г.

²⁶ Плампер 2010. С. 30.

²⁷ Комсомолка в строю 1977. С. 37.

²⁸ Комсомолка в строю. 1977. С. 38.

²⁹ Магнитогорский комсомолец. 1932. 14 декабря.

циональный призыв к конкретному действию. Подобные призывы не оставались незамеченными, и «гордость» приобретала масштабность: «Мне довелось участвовать в строительстве большинства доменных печей, коксовых батарей... и я горжусь этим!»³⁰; «Наша Магнитка», – с гордостью произносят те, кто по призыву партии коммунистов участвовал в сооружении гиганта индустрии. К их числу относятся и я...»³¹.

Несомненно, важным было чувство радости от результатов проделанной большой и сложной работы. Инженер-строитель И.В. Комзин писал: «Работа радовала. Работа воодушевляла. Какими нужными мы себя чувствовали в сплошной «лихорадке буден!»³². Среди всех доступных нам текстов воспоминаний первостроителей нет ни одного, где бы не присутствовал радостный момент пуска домы: «31 января 1932 г. первая доменная печь была задута. А 1 февраля тысячи строителей собрались у доменной печи, чтобы своими глазами увидеть первый магнитогорский чугун. Над заводом запылало зарево первой плавки. И чугун пошел. Велика была радость строителей!»³³. А. Конаржевский даже не уехал в отпуск ради такого события, а «переживал со всеми магнитогорцами часы муки и ликования»³⁴.

В официальном дискурсе «терпение» выступает чаще в негативном контексте. Категория «терпение», включенная в перечень добродетелей западного христианства, характерна и для русского человека. Под терпением обычно понимают спокойное перенесение бед и несчастья в собственной жизни или ожидание результата от неподконтрольного процесса. Однако в советский период «терпение» переключалось из индивидуально переживаемых эмоций в общественные и стало трактоваться как пассивность и нежелание действовать в интересах социума. Статьи в «Магнитогорском рабочем» и многотиражках «Борьба за металл», «Горняк», «Комсомольская правда на Магнитострое» терпение связывают с нежеланием горожан вести борьбу с безответственностью, пьянством, кражами в столовых, прогульщиками и др. В газете «Горняк» можно прочесть следующие заголовки и призывы: «Бригады, почему вы терпите в своих рядах прогульщиков?», «Ликпункт уже организован, но с пьяной проблемой барачный совет борьбы еще не повел. Гражданка Киселева все еще продолжает продавать вино, а ее все еще терпят в бараке»³⁵, «В бараках как правило грязь. Люди по месяцу не бывают в бане. Сколько можно это терпеть?»³⁶.

³⁰ Смертин 1959. С. 79.

³¹ Джапаридзе 1959. С. 82.

³² Комзин 1973. С. 13.

³³ Смертин 1959, 79.

³⁴ Конаржевский 1991. С. 19.

³⁵ Горняк. 1931. 13 апреля.

³⁶ Борьба за металл. 1933. 12 февраля.

Чувство возмущения в советском дискурсе выступало в качестве синонима праведного гнева. В газетах часто можно прочесть о том, что «поведение учеников вызывает эмоциональную реакцию – возмущение», «Рабочие смеются над мазаными женой пробкой лицами фокусников-гипнотизеров, а чаще возмущаются. Возмущение их справедливо»³⁷; «Масса возмутительных безобразий»; «Бригады натолкнулись на несколько случаев возмутительного зажима самокритики»³⁸. Возмущение должно было выступать одним из инструментов борьбы с некачественной работой, прогулами и прочими девиациями.

Чувство страха сопровождало горожан на протяжении многих лет. Поводом к его возникновению могли выступать плохо освещенные улицы, отсутствие дорог, значительное число краж в городе, возможный голод, аварии на производстве и строительстве и т.д. Воспоминания монтажников кауперов домен свидетельствуют о том, что многие рабочие отказывались «лезть в каупера, мотивируя тем, что здесь у них семьи, что их жизнь здесь ничего не стоит...»³⁹. Многие рабочие упоминали отчаяние, которое порождало алкоголизм, толкало на кражи и иные преступления⁴⁰. Несмотря на то, что семья Краузе-Берсенева по меркам 1930-х гг. в условиях Магнитостроя жила довольно обеспеченно, значительная доля переживаний матери была связана с бытом и здоровьем домочадцев. В каждом письме В.Ф. Берсенева переживает о здоровье родных и близких ей людей, уточняя, нет ли необходимости выслать денег, одежду, продукты и прочие предметы быта. Чувство страха возникает в письмах довольно часто. В письме от 9 марта 1933 г. Берсенева писала: «Материально нам живётся теперь несравненно хуже, чем прежде. Продовольственный кризис проник даже в наши «Берёзки». Кормят нас уже плохо и дорого. Наших денег едва хватает, чтобы кое-как держаться... Я часто думаю о надвигающемся голоде и очень его боюсь. Как переживать голод с детьми? Уже нет того запаса сил, той сопротивляемости, которая была в молодости»⁴¹. Во второй половине 1930-х снабжение значительно улучшилось за счет преодоления острой фазы голода в стране в целом и налаживания поставок продуктов и товаров в город. Однако во многих письмах сыну Руфу, который с 1937 г. учился в Москве, Берсенева просила выслать чай, сахар, указывала на сложности содержания большой семьи, постоянно говорила о необходимости экономить, откладывать деньги на отпуск, на роуль, на покупку одежды. В течение 1937 г. она нигде не могла достать зимнее пальто, в результате сшила дочери шубу из старой ткани:

³⁷ Маркевич 1930. С. 23.

³⁸ Маркевич 1930. С. 29, 30, 31.

³⁹ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 21.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 362. Л. 10.

⁴¹ Краузе 2009. С. 54.

«Ты можешь себе представить: мне нужно непременно сшить Лене шубу, зима уже на носу, а я даже за нее не принималась и что делать – не знаю»⁴². Чувство страха обострялось в связи со слухами о приближающейся войне, с приграничными конфликтами и, конечно, с призывом в военкомат старшего сына: «Боюсь как бы события на границе Монгольской республики не испортили нам отдыха... Ты вот огорчаешься, что в армию придется, может, идти служить в этом году, и как я этим расстраиваюсь, лучше не говорить... Получишь отсрочку – это большое счастье...»⁴³. Как и большинство матерей, Берсенева боялась за своего младшего сына, который часто участвовал в драках с мальчишками во дворе: «Я очень боюсь, чтобы этот “отпуск” не окончился пробитой головой»⁴⁴. Но страх в подобных контекстах возникал исключительно в частной переписке и неопубликованных воспоминаниях. Официальный дискурс сообщал о страхе ином. Так, А. Сулимов писал о «страшной минуте»⁴⁵ в своей жизни, когда ему пришлось выйти на трибуну с речью. Данный тип страха как эмоционального состояния не поощрялся, но трактовался как скромность человека.

Одно из самых сильных чувств – любовь (чувство любви к своим детям, родным людям, друзьям, любовь к родине, к труду и т.д.). Официальный дискурс и мемуары, подверженные редакторской правке, любовь трактовали исключительно как глубокую привязанность советского человека к своему делу. Так, в воспоминаниях И.В. Комзина возникает занимательный рассказ об иностранном журналисте, не понимавшем, почему рабочие Магнитки так самоотверженно трудятся. Ответ советского инженера был прост: «любовь к стройке и к своему делу... Мы любили, нет, мало сказать любили. Всей душой мы влюблены были в свое дело, в свою стройку»⁴⁶. В эго-источниках, не рассчитанных на публикацию и широкое прочтение, любовь выглядела иначе.

В каждом письме В.Ф. Берсеновой – любовь и надежда на скорую встречу: «Родной мой, дорогой Руфиша! Сегодня получила твою телеграмму и ужасно ей обрадовалась! Все дни неотступно думала о тебе... Будь здоров, мой родной, ненаглядный мальчик. Обнимаю и целую тебя крепко, крепко. Веселись и поправляйся хорошенько, а я буду радоваться твоей радостью»⁴⁷. Безмерную радость вызывали телеграммы, письма, приезд родственников и друзей в гости, покупка абрикосов детям: «Радуюсь, что все здоровы... Дети довольны, а я этим рада...»⁴⁸.

⁴² Краузе 2011. С. 32.

⁴³ Краузе 2011. С. 14, 41.

⁴⁴ Краузе 2011. С. 14.

⁴⁵ На линии огня... 1975. С. 56.

⁴⁶ Комзин 1973. С. 24–25, 33.

⁴⁷ Краузе 2011. С. 8.

⁴⁸ Краузе 2011. С. 17, 43.

Чем .с Магниткой (с Гугелем), просил его освободить скорей для меня в Американском городке квартиру в связи с Вашим приездом. Он обещал твердо... Захвати белье, посуду, т.к. канительно здесь доставать эту муру. Я тут заказал в Свердловске демисезонное пальтишко для Кларочки. Мне обещали достать. К приезду Вашему, надеюсь, получу... Не забудь привить Кларочке и себе оспу... Зинушка, думаю, что по приезде ты немного (с месяц) отдохнешь и не будешь приступать к работе. Лена мне сказала, что ты мобилизована на работу по кадрам. Я, мягко говоря, против этого. Эта работа не для тебя. Тебе следует взять работу или по здраводелу или партийную. Однако приедешь – посоветуемся, посмотрим, виднее на месте... Зина, захвати всякие медикаменты, если сможешь – составь аптечку. Организуй это через Розу... Целую тебя, родная, и жду с нетерпением. Борис»⁴⁹.

Для эпохи 1930-х гг. было характерно пребывание в водовороте событий. Темп жизни был крайне интенсивный. Наиболее известным художественным произведением о Магнитогорске 1930-х гг. является роман В.П. Катаева «Время вперед». Как и любое художественное произведение, этот роман изобилует эмоциями. Учитывая, что «скорость жизни» оказывает влияние на смену эмоциональных состояний человека, данное произведение представляет собой поле для исследования в рамках истории эмоций. По мнению О. Кудрина, в романе «Время, вперед!» «есть лишь полный набор всего, что нужно было советской пропаганде времен первых пятилеток: энтузиазм, светлая атмосфера братства, воспевание бешеных темпов индустриализации, ударный, рекордный труд, самопожертвование, персонифицированная битва старого с новым, элементы классовой борьбы с недобитым кулачеством, развернутые, буддистски закольцованные цитаты Сталина в начале и финале». Однако это лишь внешняя оболочка, а «при внимательном прочтении ни один из пробольшевистских тезисов не остается в книге без антитезиса и синтеза, разворачивающих все на 180 градусов»⁵⁰. То же происходит и с эмоциями. Среди эмотивов, использованных в книге, самыми яркими могут показаться «энтузиазм», «ответственность», «жертвенность», но, когда речь заходит о чувствах и эмоциях в частной сфере, они оказываются более естественными. Так, один из главных героев романа Ищенко испытывает страх только за жизнь жены, а чувство любви возникает только во внутрисемейных взаимоотношениях.

Однако властям не были нужны сильные личные эмоции. Ключевой задачей при выстраивании эмоционального режима было формирование унифицированного, социально-одобряемого комплекса эмоций, который можно направлять (сдерживать или разжигать в нужный мо-

⁴⁹ Письмо Б.Г. Козелева. 16/ IV–1931.

⁵⁰ Кудрин 2010. С. 373-374.

мент). Поэтому в сталинскую эпоху образцовым ребенком считался тот, кто умел сдерживать свои эмоции, «обуздывать свои побуждения»⁵¹. Именно на детей возлагались надежды, они должны были жить в идеальном «новом мире». Чтобы воспитать необходимый набор эмоций у подрастающего поколения, огромное внимание уделялось системе образования. Видимо в целях воспитания нормативного набора эмоций в 1950 г. был издан справочник «Начальная школа», в котором устанавливался круг допустимых эмоций для педагога. Среди них были: чувство долга, любовь к труду, патриотизм, национальная гордость, товарищество. Особенно ценилась дисциплинированность как особое качество, воспитывающее склонность человека к соблюдению правил работы и норм поведения. В газетах регулярно публиковались статьи под типовыми заголовками: «Позор нарушителям режима», «Дисциплина и самодисциплина», «Наша бригада – это крепкий, хорошо организованный коллектив, примерный по дисциплине»⁵², «Равняйтесь по лучшим ударникам учебы... как надо учиться, отдыхать и быть дисциплинированным пионером»⁵³. Эти заголовки обращались к широкой аудитории читателей: от школьников до взрослых людей, от свободных тружеников до спецпереселенцев и заключенных. Такой диапазон адресатов был не случаен, так как при формировании должного эмоционального режима дисциплина выступала ключевым инструментом.

В «эпоху настроений» мысли и чувства стремились унифицировать: это способствовало укреплению сталинского режима, формированию «мы-идентичности» в масштабах города, региона, страны. Кроме того, отклонение от типичных эмоциональных проявлений могло использоваться властями как маркер общественных настроений (недаром сводки о настроениях магнитогорцев регулярно направлялись в Москву). Любовь, восторг, страх, гнев, счастье – все эмоции встраивались в официальную риторику властей. В этой гамме переживаний преобладала масса «светлых» чувств, которая фактически образовывала систему ценностей, относящихся к эмоциям и их восприятию. Эти ценности навязывались индивиду через законы, культуру, традиции – через общественные нормы, которым люди обязаны подчиняться, и по которым они оценивают свое поведение и поведение окружающих. А.И. Чеснокова рассказывала о тяжелых условиях жизни в городе, о полугодовом состоянии, об отсутствии одежды и обуви у членов ее семьи, неоднократно отмечала настроения недовольства такими условиями жизни, но при этом указывала, что «вся семья, все дети и отец всегда ходили на демонстрации... было интересно и весело... Я вот всегда им рада бы-

⁵¹ Келли 2010. С. 68.

⁵² Борьба за металл. 1934. 5 января; 16 января; 9 октября.

⁵³ Магнитогорский пионер. 1932. 16 ноября.

ла... Холод. Дождь или мороз, а душа радуется»⁵⁴. Радость и ликование, гордость за результаты труда, эмоциональное единение на массовых мероприятиях присутствовали. Однако эти конструкции часто расходились с эмоциональными практиками, которые зависели от личного опыта, физических, психологических, гендерных особенностей. Ни одно «эмоциональное сообщество» не может быть охарактеризовано каким-то однородным «ландшафтом чувств». В Магнитогорске практиковались массовые гулянья за городом. Предполагалось, что отдых на свежем воздухе положительно влияет на здоровье горожан, а выходной день в дружном коллективе должен эмоционально укрепить единство трудящихся. Воспоминания участника подобного мероприятия иллюстрируют негативное отношение к этому виду коллективного отдыха: «я был в Магнитогорске на массовой металлургов. Поезд в 100 битком набитых теплушек отошел от станции в 6 часов утра – 5 тыс. рабочих, не полежавших в свой выходной день, встали в 5 утра, даже раньше, потому что расстояния в Магнитогорске почти московские... Мы ехали поездом до 2 часов, шли пешком около часа, а в 7 часов назад, и домой – к трем часам ночи. Ради чего же все это... в свой выходной день?...»⁵⁵.

В эго-источниках преобладают эмоции личного порядка и обнаруживаются чувства, маркируемые в советском социуме как негативные и неприемлемые для «нового советского человека»: зависть, злость, раздражение, мстительность, надменность, циничность, разочарование. В письмах В.Ф. Берсеновой указывается на раздраженность Ф.О. Краузе из-за сложностей в трудовом коллективе; на страдания самой Веры Федоровны из-за нежелания видеть коллег по работе; завистливые взгляды соседней⁵⁶. Если же в письмах или воспоминаниях возникали официальные эмотивы, то они преломлялись под частным углом. Так, среди многочисленных писем Берсеновой сыну, родственникам и друзьям практически нет упоминаний о патриотизме, гордости за страну, самоотверженном труде. Напротив, преобладающие эмотивы – «любовь», «страх», «тревога», «радость», «счастье» по отношению к делам семейным, частным. Лишь несколько раз Берсенева упомянула об официальных сообщениях в газетах о военной агрессии против СССР и выразила в этой связи страх за безопасность своих родных и друзей, а также за перспективу испортить себе отпуск: «Боюсь только как бы события на границе Монгольской республики не испортили нам отдыха. Положение очень тревожное. В газетах пишут скудно, но, видимо, дело серьезное»⁵⁷. Слухи о надвигающейся войне вызывали серьезную обеспокоенность жен-

⁵⁴ Воспоминания А.И. Чесноковой.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

⁵⁶ Пришла война... 2011.

⁵⁷ Пришла война... 2011. С. 14.

щины за сына-студента. В нескольких письмах она рекомендует ему начать заниматься физкультурой, чтобы быть готовым к службе в армии: «Три года в жизни человека – срок небольшой, и как бы он ни был тяжел и труден, переживется он скоро... Если попадешь в армию, ищи там прежде всего хороших людей... А к службе в армии ты теперь же начни готовиться. Получишь отсрочку – это большое счастье, но нужно быть готовым к тому, что ты ее можешь не получить»⁵⁸. Все рассуждения об армии и возможном призыве на службу В.Ф. Берсенева вела не через официально декларируемые эмоции – патриотизм, гордость, целеустремленность, а через тревожность и материнскую заботу.

Мир чувственных переживаний формировался под влиянием многочисленных обстоятельств. Чаще всего эмоциональные высказывания были связаны с неудовлетворительными социально-бытовыми условиями. Так, безысходность и обида возникают в письме рабочего (имя в источнике не зафиксировано): «Добрый день, дядя Федя! Привет из Магнитогорска. Дядя Федя, доехали до места благополучно. В Магнитогорске нас встретили плохо... Здесь приходится сидеть голодным... работы не дают по специальности... Я потом все равно приеду в Ленинград... отсюда трудно выбраться – ни за что не выпускают, но я все равно приеду, так как жить невозможно: работы нет, кормят плохо, одежду не выдают, находимся в палатках, а погода стоит холодная и дождливая, всегда палатки промокают и все после дождя мокрое... С гор дует сильный холод, ветры, так что очень холодно жить в палатках, замерзаем, а начальство и в ус не дует. Так что нас, когда отправляли, говорили красивые слова: Вы, мол, едете на ударное строительство, вас там ждут. Из-за вас мол дело стоит...»⁵⁹. Очевидно, что ключевой причиной подобного эмоционального состояния являются неустроенный быт и нереализованные ожидания. Не менее важную роль в формировании эмоционального настроения играло состояние здоровья человека. В.Ф. Берсенева, страдающая от прогрессирующей болезни спинного мозга, была в дурном расположении духа месяцами. Но как только ее состояние улучшалось, положительных мотивов в письмах становилось гораздо больше. Сходная ситуация отмечается в письмах Б.Г. Козелева: «Самочувствие мое очень плохое, несмотря на предстоящую радостную встречу с вами...»; «О своем самочувствии я распространяться не буду, надоело мне ныть. Все объясняется состоянием моего здоровья и условиями быта. К сожалению, они еще скотские»⁶⁰.

Социальное окружение и обстоятельства социальной мобильности, несомненно, оказывали влияние на мир чувственных переживаний

⁵⁸ Пришла война...2011. С. 41.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 145.

⁶⁰ Письма Б.Г. Козелева. 28/ III– 1931; 16/ IV– 1931.

человека. В условиях тотальной постреволюционной ломки прежних социальных институтов и формирования новой модели устройства общества судьбы людей менялись кардинально. Ряд представителей пролетариата и крестьянства на Магнитострое прошли сложный путь от «простых ребят в лаптях до квалифицированных рабочих», смогли получить образование, квартиру, места в яслях для детей и т.п. В прежней России о подобном многие из них не могли мечтать. Несмотря на то, что этот сценарий во многом был мифом советской пропаганды и наиболее известные примеры подобного «роста человека» являются хрестоматийными (В. Калмыков, Х. Галиуллин, Н. Коробов), интервью многих респондентов свидетельствуют о том, что именно в Магнитогорске и при советской власти они получили «путевку в жизнь»⁶¹.

Следование декларируемым в советском обществе нормам было необходимым условием, своего рода стратегией выживания. Именно поэтому многие магнитогорцы осуществляли серьезную «эмоциональную работу», когда публично повторяли устойчивые нарративы о необходимости социалистического соревнования, об ударном труде, энтузиазме, о радостном строительстве коммунизма, а тайно осуществляли религиозные практики; вели дневники, которым доверяли свои истинные чувства; искали себя в творчестве и т.п. Уильям Редди предложил именовать эмоциональные сообщества с нетипичным «для данной эпохи выражением чувств» «эмоциональными убежищами»⁶². В подобных убежищах человек мог временно отдыхать или даже надолго скрываться от предписываемых обществом норм проявления и выражения эмоций. «Эмоциональные убежища на протяжении истории могли быть организациями, общественными институтами, системами горизонтальных и вертикальных связей социума или социальными группами»⁶³.

«Эмоциональные убежища» на Магнитострое возникали как организовано (создание моленных домов и церквей в землянках, хранение религиозной атрибутики), так и стихийно (участники демонстраций частенько после официальной части мероприятия устраивали пьяные драки, бои «стенка на стенку»). Столь разнообразные формы «эмоциональных убежищ» реализовывали важную функцию – они позволяли проявлять те чувства и эмоции, которые официальный режим либо запрещал юридически, либо не рекомендовал, считая асоциальными, но в которых нуждались «маленькие люди». Любая эмоция как репрезентация чувств на данном историческом отрезке и в данных территориальных границах являлась воплощением культуры своего времени. Усилия властей не прошли даром. Коллективизация эмоциональных состояний,

⁶¹ Воспоминания А.И. Чесноковой; Воспоминания Н.Я. Митрохина.

⁶² Reddy 2001.

⁶³ Перов 2015. С. 94.

несомненно, наблюдалась в Магнитогорске, однако она не стала тотальной. Эмоции, представляющие собой совокупность физических и психологических переживаний, хоть и возникали как реакция на окружающую действительность, но всегда оставались исключительно индивидуальными. Комплекс чувственных переживаний во многом зависел от социальной среды, от обстоятельств социальной мобильности, вызванной революционными преобразованиями, от состояния психического и физического здоровья конкретного человека, от социально-бытовых условий и т.д. Возрастающий контроль за жизнью населения требовал дисциплины в эмоциональной сфере. Однако утопия «нового человека», который идеален физически и духовно не реализовалась.

«Эмоциональная работа» магнитогорцев осуществлялась в нескольких направлениях: повторение нарративов, соответствующих официальному эмоциональному режиму и поиск альтернатив, например, в религии. Эмоциональное сообщество населения Магнитогорска было организовано гораздо сложнее нормативного «эмоционального режима» и характеризовалось амбивалентностью чувств, наличием адаптационных механизмов и стратегий в сфере эмоций. В результате интенсивного «идеологического воздействия со стороны властей личные эмоции, чувства, переживания постепенно менялись. Многие магнитогорцы – типичные «маленькие люди», вовлеченные в водоворот значимых событий, начали воспринимать «государственное» как личное, а «личное» порой оказалось возможным только в контексте соответствия идеологии государства»⁶⁴. Постепенно идеологизировались эмотивные состояния, что способствовало формированию «мы-идентичности» и укреплению авторитарного режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Борьба за металл: газета (Магнитогорск)

Воспоминания А.И. Чесноковой 1924 г.р. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

Воспоминания Н.Я. Митрохина 1925 г.р. Записано Н.Н. Макаровой в 2009 г.

Воспоминания, дневники, письма/под ред. О.Ф. Краузе. Череповец, 2009. 189 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 5.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 16.

Горняк: газета (Магнитогорск)

Джапаридзе Е. Этих лет нельзя забыть // Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М. 81-86.

Зверев А. Магнитогорск. М., 1931. 87 с.

Комзин И.В. Я верю в мечту. М.: Политиздат, 1973. 368 с.

Комсомолка в строю. М.: Молодая гвардия, 1977. 208 с.

Магнитогорский комсомолец: газета (Магнитогорск).

Магнитогорский пионер: газета (Магнитогорск).

Маркевич Н. Рождение гиганта (на Магнитострое). М.: Молодая гвардия, 1930. 32 с.

МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 10. Оп. 1.

⁶⁴ Юзефович 2014.С. 280.

На линии огня: страницы комсомольской жизни Магнитки. Воспоминания, очерки, документы. Челябинск, 1975. 357 с.

Письма Б.Г. Козелева // Музей истории Магнитостроя.

Пришда война в Березки. Письма матери / под ред. О.Ф.Краузе. Череповец, 2011. 143 с.

Российский государственный архив литературы (РГАЛИ). Ф. 1495. Оп. 1.

Смертин Е. Трудности нас не остановили // Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М.: Молодая гвардия. С. 71-77.

Литература

Зорин А. «Понятие литературного переживания» и конструкция психологического про-
тонаратива: история и повествование // История и повествование: Сб. ст. / Под ред.
Г.В. Обатнина и П. Песонена. М., 2006. С. 12–27.

Иванцов И.Г. Повседневность провинциального города 1920-1930-х годов, культурная
история эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП (б)
// Культурная жизнь Юга России. 2014. Т. 2. № 53. С. 68-72

Иванцов И.Г. Теоретические аспекты локальной истории и повседневности провинци-
ального города в раннем советском обществе // Голос минувшего. Кубанский исто-
рический журнал. 2014. № 3-4. С. 97-100.

Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после
эпохи Просвещения // Российская империя чувств: подходы к культурной истории
эмоций / под ред. Я. Плампера. М.: НЛЮ, 2010. С. 51–77.

Конаржевский А. 10 лет на острие бритвы. Кишинев: Лумина, 1991. 166 с.

Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.:
Гнозис, 2008. 374 с.

Кринко Е.Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой
Отечественной войны // Проблемы российской истории. 2010. № 1 (10). С. 456-470.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в усло-
виях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945).
Ростов-на-Дону, 2013. 362 с.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Тажидинова И.Г. Повседневный мир советского человека
1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону:
ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Кудрин О. Время, вперед, к Апокалипсису! // Вопросы литературы. 2010. №3. С. 369-417.

Макарова Н.Н. Повседневность чувств эпохи форсированной индустриализации (по
материалам Магнитогорска 1930-х гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры.
2014. № 1 (43). С. 205-213.

Микуленок Ю.А. Семейные конфликты и эмоциональный мир супругов в советской
действительности в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Теория и практика обще-
ственного развития. 2014. № 19. С. 134-137.

Перов С.С. «Эмоциональные режимы» провинциальных городов юга РСФСР в межво-
енный период по материалам оккупационной прессы // Голос минувшего. Кубан-
ский исторический журнал. 2014. № 3-4. С. 115-120.

Перов С.С. Эмоциональные режимы в провинциальных городах юга России в межвоен-
ный период (по материалам коллаборационистской прессы) // Культурная жизнь
Юга России. 2015. № 1 (56). С. 92-96.

Перов С.С. Промышленные рабочие Кубани и Дона в 1920-1930 гг. как «эмоциональное
сообщество» // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 90-93.

Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. 2010. С. 11-36.

Рожков А.Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и
подходы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3-4.

Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плам-
пера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛЮ, 2010. 512 с.

Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы россий-
ской истории. 2010. № 1 (10). С. 487-504.

Тажидинова И.Г. Эх, хорошо в стране советской жить?», или в поисках положительных
эмоций в эпистолярном наследии 1930-х гг. // Проблемы национальной безопасно-

- сти России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза 29 Адлерские чтения. 2016. С. 219-224.
- Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 109–125.
- Хлынина Т.П. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 295-307.
- Шахадад Ш. Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения // Российская империя чувств. 2010. С. 227-258.
- Юзефович Н.Г. Идеологизированный субстрат номинаций счастье и тоска в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик // Политическая лингвистика. 2014. №1(47). С. 279–283.
- Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Righte, Emotions and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. №3. P. 487–528.
- Plamper J. The history of Emotion: An Interview with William Reddy, Barbara Rozenwein, and Peter Stern // History and Theory. 2010. № 49. P. 237–265.
- Reddy W. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Post-revolutionary France. Berkeley: Univ. of California press, 1997. 258 с.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.
- Reddy W. Sentementalism and Its Erasure: The Role of Emotions in the Era of the French Revolution // Journal of Modern history. 2000. № 1. P. 109–152.
- Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813-836.

REFERENCES

- Zorin A. «Ponyatie literaturnogo perezhivaniya» i konstruktivnaya psikhologicheskogo protonarrativa: istoriya i povestvovanie // Istoriya i povestvovanie: Sb. st. / Pod red. G.V. Obatnina i P. Pesonena. M., 2006. S. 12–27.
- Ivantsov I.G. Povsednevnost' provintsial'nogo goroda 1920-1930-kh godov, kul'tur-naya istoriya emotsii v dokumentakh organov partiino-gosudarstvennogo kontrolya VKP (b) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2014. T. 2. № 53. S. 68-72
- Ivantsov I.G. Teoreticheskie aspekty lokal'noi istorii i povsednevnosti provin-tsiyal'nogo goroda v rannem sovetskom obshchestve // Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4. S. 97-100.
- Kelli K. Pravo na emotsii, pravil'nye emotsii: upravlenie chuvstvami v Rossii posle epokhi Prosveshcheniya // Rossiiskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoi isto-rii emotsii / pod red. Ya. Plampera. M.: NLO, 2010. S. 51–77.
- Konarzhevskii A. 10 let na ostriie britvy. Kishinev: Lumina, 1991. 166 s.
- Krasavskii N. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh. M., 2008. 374 s.
- Krinko E.F. Prostranstvo i vremya v vospominaniyakh i pis'makh uchastnikov Velikoi Otechestvennoy voiny // Problemy rossiiskoi istorii. 2010. № 1 (10). S. 456-470.
- Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945). Rostov-na-Donu, 2013. 362 s.
- Krinko E.F., Khlynina T.P., Tazhidinova I.G. Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii. Rostov-na-Donu, 2011. 360 s.
- Kudrin O. Vremya, vpered, k Apokalipsisu! // Voprosy literatury. 2010. №3. S. 369-417.
- Makarova N.N. Povsednevnost' chuvstv epokhi forsirovannoi industrializatsii (po materialam Magnitogorska 1930 gg.) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 1 (43). S. 205-213.
- Mikulenko Yu.A. Semeinye konflikty i emotsional'nyi mir suprugov v sovetskoj deistvitel'nosti v 1920-e gg. (na materialakh Kubani) // Teoriya i praktika ob-shchestvennogo razvitiya. 2014. № 19. S. 134-137.
- Perov S.S. «Emotsional'nye rezhimy» provintsial'nykh gorodov yuga RSFSR v mezho-ennyi period po materialam okkupatsionnoi pressy // Golos minuvshogo. Kuban-skii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4. S. 115-120.

- Perov S.S. Emotsional'nye rezhimy v provintsial'nykh gorodakh yuga Rossii v mezho-enniy period (po materialam kollaboratsionistskoy pressy) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2015. № 1 (56). S. 92-96.
- Perov S.S. Promyshlennyye rabochie Kubani i Dona v 1920-1930 gg. kak «emotsio-nal'noe soobshchestvo» // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. № 4. S. 90-93.
- Plamper Ya. Emotsii v russkoy istorii // Rossiiskaya imperiya chuvstv. 2010. S. 11-36.
- Rozhkov A.Yu. «Emotsional'nyi povorot» v istoricheskoy nauke: osnovnyye ponyatiya i podkhody // Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4.
- Rossiiskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoy istorii emotsii / pod red. Ya. Plampera, Sh. Shakhadat, M. Eli. M.: NLO, 2010. 512 s.
- Tazhidinova I.G. Tsennost' veshchei: izmerenie voennogo vremeni // Problemy rossii-skoy istorii. 2010. № 1 (10). S. 487-504.
- Tazhidinova I.G. «Ekh, khorosho v strane sovetskoy zhit'?!», ili v poiskakh polozhitel'-nykh emotsii v epistol'yarnom nasledii 1930-kh gg. // Problemy natsional'noi bez-opasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti. 25 let bez Sovetskogo Soyuza. 2016. S. 219-224.
- Fevr L. Chuvstvitel'nost' i istoriya // Fevr L. Boi za istoriyu. M., 1991. S. 109-125.
- Khlymina T.P. «Pisali i pro voinu, i tosku po domu»: dnevniki i pis'ma voennogo vremeni kak praktiki realizatsii privatnogo // Problemy rossiiskoy istorii. 2013. № 1. S. 295-307.
- Shakhadat Sh. Psikhologizm, lyubov', otrashchenie, razum: emotsii s tochki zreniya literaturovedeniya // Rossiiskaya imperiya chuvstv. 2010. S. 227-258.
- Yuzefovich N.G. Ideologizirovannyy substrat nominatsii schast'e i toska v Rossii predvoennogo perioda v stat'e Sheily Fitzpatrik // Politicheskaya lingvistika. 2014. №1(47). S. 279-283.
- Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Righte, Emotions and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. №3.R. 487 – 528.
- Plamper J. The history of Emotion: An Interview with William Reddy, Barbara Rozenwein, and Peter Stern // History and Theory. 2010. № 49. R. 237-265.
- Reddy W. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Postrevolutionary France. Berkley: Univ. Of California press, 1997. 258 s.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.
- Reddy W. Sentimentalism and Its Erasure: The Role of Emotions in the Era of the French Revolution // Journal of Modern history. 2000. № 1. R. 109 – 152.
- Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813—836.

Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; makarovanadia@mail.ru

Emotional mode of the age of the forced industrialization (on the materials of Magnitogorsk)

The article considers an emotional regime that developed in the new industrial center in the period of accelerated industrialization. Currently, the history of emotions is mainly oriented to extensive material from the point of view of the chronology and spatial extent. The author offers an example of the study of emotional communities at local material and beliefs, which the thoughts and feelings of the citizens wanted to unify within the concept of formation of a "new city" and Magnitogorsk, impose a certain set of normative emotions and the official practices, as well as expressing their emotions, which acted as a support for an existing political regime.

Keywords: history of emotions, emotional mode, new town, industrialization, Urals, Magnitogorsk

Nadezhda Makarova, PhD in History, Associate Professor, Department of General History, Nosov Magnitogorsk State Technical University; makarovanadia@mail.ru